

Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства

Г.В. Дзибель

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА, ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛАРИНГАЛЬНЫЕ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА

Несмотря на то что индоевропеистика по праву считается наиболее передовой отраслью исторической лингвистики, этимология большинства ИЕ ТР является туманной. Индоевропеисты вынуждены прибегать к фантастическим интерпретациям генезиса ИЕ ТР, которые вызывают критику как у их коллег-лингвистов, так и у этнолингвистов и этнологов. Современное состояние ИЕ реконструкций ТР не проливает свет на типологические характеристики ПИЕ системы, известные этнологам по сотням СТР, зафиксированных в этнографической реальности. Примечательным также является тот факт, что многие гнезда ТР содержат труднообъяснимые фонетические аномалии и двусмысленности, вызывающие у фонологов конфликтные интерпретации. Приведем несколько примеров. В латинском *nurus* (от ПИЕ **snusós*) ‘жена сына’ первый гласный является нерегулярным: ИЕ **u* перед *r* в латинском должно давать *o* (**norus*). В албанском падение *s* перед *v* в *vjeherr* ‘отец супруга’ не является фонетической регулярностью, а фиксируется только в словах, содержащих морфему **swe-*, а таковыми словами часто являются ТР [Напр 1986]. В славянских языках термины для ‘брата отца’ восходят к праформе **stryjǫ*. При сравнении с лат. *patrius* и др.-инд. *pitr̥vyá* ‘брат отца’ выясняется, что слав. *s-* соответствует ИЕ *p-*, но без всякой регулярности. В германских языках рефлекс ИЕ **deH₂iwēr* (др.-в.-нем. *zeihhur*, др.-англ. *tācur*, *tācor*, др.-фриз. *taker*) содержат аномальный велярный (прагерм. **taikr(o)*), который, однако, хорошо согласуется с велярным в армянском *taogr*. (В арм. *g* — регулярный рефлекс ПИЕ **w*.) В древнеиндийском *duhitā* ‘дочь’ (<**dhuǵH₂tēr*)

ПИЕ ларингальный $*H_2$, якобы оказывает двойное действие: превращает палатализованный смычный \acute{g} в спирант h (если бы \acute{g} отражалось в санскритской форме регулярным образом, то фиксировалась бы форма $**duzītā$) и одновременно отражается как гласный i . Как это оказалось возможным, непонятно. В ИЕ гнезде ‘сестра мужа’ 1) начальный согласный в др.-инд. *gīrer* (род. пад.) (при лат. *glōs* и греч. *γαλόωσ*) указывает на ПИЕ $*g-$, тогда как слав. $*zŭly$ — на ПИЕ $*\acute{g}$, а арм. *tal* — на ПИЕ $*d-$; 2) первый гласный может интерпретироваться как вокальный рефлекс ПИЕ $*H_2$ (др.-инд. i , греч. a) или как рефлекс ПИЕ синлабического l [Eichner-Kuhn 1976; Beekes 1988]. Индоевропейцы обычно объясняют фонологические аномалии методом постулирования контаминации с другими словами: *tal* якобы возникло по аналогии с *taygr* ‘брат мужа’, а слав. $*zŭly$ — по аналогии со слав. $*zeŭi$ ‘son-in-law’. Когда к разговору подключаются сторонники существования ностратического праязыка, то ситуация осложняется еще больше: ностратикам нужен ПИЕ $*g'$, зафиксированный в слав. $*zŭly$, для того чтобы обосновать реальность ностратического $*kal$ ‘свойственница’, в котором $*k$ должно закономерно давать ИЕ $*\acute{g}$ [Manaster-Ramer 1994].

Решение относительно того, какой именно рефлекс является аномальным, принимается на субъективных основаниях; соответственно, мнения исследователей на этот счет расходятся. Недавно иранист Г. Уиндфур предложил модель, по которой армянский сохраняет исконное родство терминов для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ ($*deH_2/dH_2-$), что семантически выглядит очень естественно. В других языках переход $d- > g-$ произошел под влиянием термина для зятя (слав. $*zeŭi$, греч. *γαμβρός*, лат. *gener*) [Windfuhr 2002]. Работа Г. Уиндфура отличается от типичных работ индоевропейцев тем, что он пытается уловить в ИЕ ТР систему, оперирующую на семантическом, морфологическом и, естественно, фонетическом уровнях. Если ИЕ термины для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ происходят от одного корня, у них появляется более или менее интересная с точки зрения исторической типологии СТР этимология: свойственная терминология со стороны мужа в исторических ИЕ языках, очевидно, подверглась усложнению посредством расщепления переменной «пол альтера», по сравнению с ПИЕ состоянием. Однако гипотеза о родстве терминов для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ базируется только на данных армянского языка, что

кажется недостаточным. Если же признать, что идентичность начального сегмента в армянском *tal* и *taugr* — продукт поздней контаминации, то у обоих терминов не остается никакой этимологии, а у этого участка СТР теряется системность. Неудивительно, что индоевропеисты, достигшие высокой степени формализма в описании исторической фонетики, по сей день возводят индивидуальные ИЕ этимоны ТР к натурализованным понятиям типа «доить», «связывать», «приносить (огонь)», «давать», «свой» и пр., которые, с их точки зрения, имеют прямое отношение к древним идеям родства. Очевидно, что, хотя ИЕ термины для ‘сестры мужа’, несомненно, являются родственными, их родство основывается на элементарном сходстве по значению и звучанию, которое, так сказать, досталось науке от истории «по наследству», а не благодаря наличию у науки некоего особого метода. Сравнительный метод не в состоянии ни разрешить характер начального согласного в термине для ‘сестры мужа’, ни выработать для этого термина разумную этимологию. Гипотеза о происхождении этого термина от ПИЕ **deH₂/dH₂-* ‘сиблинг мужа’, основанная на *внутренних* данных одного армянского языка, оставляет остальные рефлексы этого этимона в санскрите, греческом, латинском, старославянском и других языках фонетически нерегулярными. Это, в свою очередь, подрывает основополагающий тезис компаративистики о регулярности фонетических соответствий *между* родственными языками. Примечательно в этой связи активное использование в исторической лингвистике понятия «родство» для описания систематических фонетических параллелей в группе языков при фактическом отрицании ими системности ТР в пределах одного языка.

В серии работ [Дзибель 2000а; 2000б; 2001] я обосновал новый подход к реконструкции ПИЕ ТР, основанный на иденетическом (гигнетическом) синтезе этнологического (антропологического) и лингвистического подходов к СТР. Суть его заключается в наблюдении, что регулярные фонетические соответствия зависят от принципов семантического отбора слов в этимологические гнезда. С течением времени слова меняют как свой фонетический облик, так и свои значения. Традиционный сравнительно-исторический метод рассчитан на описание лексических ситуаций, когда фонетика и семантика остаются относительно постоянными, а праформа узнаваема не ана-

литически, а путем визуальной инспекции. Такие «простые» лексические ситуации возникают либо в связи с тем, что языки разошлись сравнительно недавно и семантика и фонология не успели кардинально измениться, либо потому что морфологическая структура языков отличается пониженным разнообразием словообразовательных процессов, либо потому что рассматриваемые слова являются строго обособленными в пределах своих лексико-семантических классов. ИЕ ТР демонстрируют ситуацию явно более сложную. Для удовлетворительного разрешения этимологии ИЕ ТР необходимо внимательно всмотреться в существующие фонетические законы и проверить, правильно ли исследователи рассортировали формы по этимологическим гнездам. Представляется возможным, что идеальная ситуация, при которой системность ТР внутри языка не противоречит, а проливает свет на системность регулярных фонетических соответствий между языками, просто искусственно теряется из виду из-за некорректной группировки слов в этимологические гнезда.

Примером неправильного построения этимологического гнезда является ИЕ термин для 'брата' [Dziebel 2006: 66–68; 2009]. Как я попытался показать, гнезда **bhreH₂ter* 'брат' и **mer-* 'свойственник' обнаруживают близкие параллели: 1) семантический сдвиг типологически закономерен, т.к. разграничение подсистем родства и свойства — эволюционно вторичное явление; 2) латыш. *mārša* 'жена брата' (<**martiya*) соответствует слову «брат» семантически и лат. *frātria* 'жена брата' — морфологически; 3) фонетический сдвиг **mr* > *br* — типичное явление в ИЕ языках; 4) как показал Курилович, придыхательный согласный может развиваться из последовательности «смычный + ларингальный» (в санскрите придыхание может возникать из ларингального в случае как глухих, так и звонких согласных); 5) перенос придыхания с заднего сегмента на передний фиксируется в греческом и может иметь ПИЕ происхождение. В итоге ИЕ названия 'брата' восходят к **mreH₂ter*, а не к **bhreH₂ter*, как твердят учебники по ИЕ сравнительному языкознанию.

На основании данной этимологии можно предложить следующие гипотезы уже чисто фонетического содержания: 1) ИЕ второй ларингальный отражается как придыхательный компонент смычных не только в санскрите, но и в ПИЕ; 2) реконструирование придыхательного и ларингального в одном слове излишне, т.к. последний порождает первый; 3) двойное отра-

жение ларингального — как гласного ($H_1 > e$, $H_2 > a$, $H_3 > o$, $eH_1 > \bar{e}$, $eH_2 > \bar{a}$, $eH_3 > \bar{o}$) и как согласного — может иметь место в пределах одного этимологического гнезда; 4) перенос ларингального со второго слога на первый можно интерпретировать как метатезу, связанную каким-то образом с другой метатезой, зафиксированной в армянском и осетинском. Как осет. *(æ)rvad*, так и арм. *elbayr* ‘брат’ демонстрируют идентичную метатезу плавного. Возникновение этих форм остается загадкой, т.к. в древнеармянском слова не могли начинаться с *r* (см. подробнее: [Дзибель 2000: 123–124; 2001]). Хотя для целей этнолога, интересующегося СТР ранних индоевропейцев, новой этимологии ИЕ термина для ‘брата’ достаточно, чтобы предположить, что в обществе ранних индоевропейцев имела место какая-то форма брачной прескрипции, закономерно приводящая к отождествлению категорий родства и свойства, историческому фонологу требуется серия отчетливых примеров, удовлетворяющих пунктам 1–3.

Рассмотрим в этой связи ИЕ термин для ‘дочери’. В настоящее время подавляющее большинство индоевропейцев реконструируют этот термин как **dhuġH₂tēr*. Однако в свете фонетических процессов, очевидно приведших к ИЕ термину для ‘брата’, *dh-* в термине для ‘дочери’ выглядит излишним. ИЕ **bhreH₂ter* относится к **mreH₂ter*, как **dhuġH₂tēr* относится к **duġH₂tēr* (ср. [Windfuhr 2002: 472–473] о переходе **dH₂- > *dh-* в этом слове). В санскрите H_2 привел к переходу от **ġ* к *h*, тогда как в греческом H_2 повлек переход от **d* к *dh* (позже оглушенный в θ). В обоих языках H_2 также отразился как гласный (*duhitā* и $\theta\upsilon\acute{\alpha}\tau\eta\rho$). Таким образом, звонкий придыхательный появился в этом слове в результате двух независимых процессов, затронувших греческий и санскрит уже после распада ПИЕ праязыка. Реконструкция **dhuġH₂tēr* объясняет отсутствие придыхания в санскритской форме действием закона Грассмана, по которому при наличии двух звонких придыхательных в одном слове один теряет придыхательность по диссимиляции. Но в греческой форме следы диссимиляции отсутствуют, хотя закон Грассмана в греческом действовал с такой же частотой и регулярностью, как и в санскрите. Греч. $\theta\upsilon\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ является как бы зеркальным отражением др.-инд. *duhitā*: первый согласный в этой форме аспирированный, а второй, наоборот, нет. Традиционная реконструкция заставляет постулировать закон Грасс-

мана для санскритской формы, но не для греческой, а падение ларингального без образования придыхательного согласного только для греческой формы, но не для санскритской. Реконструкция **duḡH₂tēr* кажется более предпочтительной, т.к. она подразумевает общий процесс для санскрита и греческого (образование придыхательного согласного под влиянием ларингального), с той лишь разницей, что в санскрите ларингальный повлиял на второй согласный, а в греческом — на первый. Перенос придыхания в начало слова в греческом можно подкрепить другими примерами: например, микен. <a-mo> (т.е. *arhmo*) дает греч. *hárma* ‘колесо’ и пр. [Dziebel 2006: 68]. Закон Грассмана можно переосмыслить как запрет на соприсутствие двух придыхательных в следующих друг за другом сегментах — правило, опять-таки действующее как на греческую, так и на санскритскую формы.

Тохарский фиксирует интересную ситуацию: тох. В *tkācer* указывает на **dh-*, тогда как тох. А *skācar* демонстрирует спирант, который может восходить как к **t*, так и к **tskacar* < **dzkacar* < **dgater*. Обычно *c-* в тох. А объясняют посредством дальнейшей ассимиляции *c-* следующего сегмента, что выглядит как натяжка. Наличие в тохарских формах *ts-* (< **dz-*) указывает на неаспирированный **d*, а не на **dh-*. Если тох. А *skācar* восходит к **dzkacar*, то налицо праформа, на которую явно действовал запрет на соприсутствие двух придыхательных. Действие закона Грассмана в тохарском далее доказывается такими примерами, как 1) тох. В *tsaik-* ‘лепить’ при др.-инд. *dehi* ‘стена’, лат. *fiŋgō* ‘леплю’, греч. *τεῖχος* ‘стена’ (традиционная реконструкция **dheigh-/dhoigh-*) и пр.; 2) тох. А *tsāk* ‘гореть’ при лат. *foveō* ‘грею’, др.-инд. *dahati* ‘гореть’ (традиционная реконструкция **dheg^wh-*). Из тохарских примеров видно, что тохарская диссимилиация идентична древнеиндийской, но отличается от диссимилиации в греческом и латинском, что косвенно подкрепляет реконструкцию *skācar* < **tskacar* < **dzkacar* на манер др.-инд. *duhitā*.

В итальянских языках дублетность простого и аспирированного дентального смычного в термине для ‘дочери’ может отражаться в оск. *fu(u)tir* ‘дочь’ и лат. *uxōr* ‘жена’. Возможность семантического перехода ‘дочь’ > ‘жена’ подтверждается выдержкой из трудов римского юриста начала нашей эры Гая [I: 3, 118; II: 159], в которой про жену, которая переселяется в соответ-

ствии с нормой патрилокального брака к мужу и попадает под его власть (*manu*), говорится: «in familiam viri transibat, filiaequе locum obtinebat». Историк римского права Р. Зом оставил следующий комментарий: «С юридической точки зрения *uxor in manu (materfamilias)* выступает в роли ‘*filiaefamilias loco*’. Ее отношения с мужем как по поводу имущества, так и по поводу ее собственной персоны управляются теми же правилами, как и отношения между женщиной и его детьми. Отношения между женой по *manu* и ее детьми управляются теми же правилами, что и отношения между братьями и сестрами» [Sohm 2002: 365–366]. Хотя само текстовое свидетельство является относительно поздним, оно явно отражает социальный институт глубокой древности, который в эпоху Гая уже выходил из употребления [Gardner, Wiedemann 1991: 6, n. 1]. Фонетически гипотеза о наличии *d-* на ранних стадиях эволюции латинского термина для ‘дочери’ позволяет рассматривать *uxōr* в ряду слов, обычно служащих примерами выпадения дентального в латинском: *dui* > *bi*, *Dius*, *Diovis* > *Iovis*, *suāvis* ‘sweet’ < **swādwis-*, *peior* ‘worse’ < **pediōs*. Последний сегмент в *uxōr*, возможно, подвергся влиянию со стороны термина *sorōr* (< **sosōr*) ‘сестра’ в период, предшествовавший латинской ротасизации. Такое объяснение лат. *uxōr* кажется более удовлетворительным, чем прочие существующие (напр., от **ugh-swesor* ‘сестра в ярье’ от ИЕ глагольной основы **wegh-* [E.W.F. 1907]), хотя надо признать, что фонетическое условие падения *d-* в латинском (позиция перед *u* или *w*) в форме *uxōr* отсутствует. Возможно, в *uxōr* отражается древняя полная форма *(*d*)*we-*, которую А. Клуххорст [Kloekhorst 2011] также усматривает в лик. *cbatra* (< праанатол.**dwegtr*). Правда, в этом случае ожидалась бы лат. ***bekter* по аналогии с **dwellum* > лат. *bellum* ‘война’. Если в середине слова *d* перед *w* и *u* просто теряется, то в начале слова *d* обычно переходит в *b*. Но переход *d* в *b* в анлауте — явление явно позднее (Цицерон в «Ораторе» упоминает это изменение в произношении как произошедшее на его памяти), и не исключено, что первоначально группы *dw* и *dy* в начале слова вели себя так же, как и в середине слова, — *d* терялся. Несмотря на эти фонетические трудности, общая тенденция к ослаблению и падению простых звонких смычных в латинском позволяет рассматривать лат. *uxōr* ‘жена’ (< **duktēr*) как потерянный рефлекс ИЕ этимона для ‘дочери’, указывающий на исконно неаспирированный анлаут.

Наконец, стоит обратить внимание на два ИЕ этимона, не имеющих отношения к ТР, но также, возможно, отражающих ситуацию, когда неправильная сортировка форм по этимологическим гнездам приводит к тому, что древние фонетические процессы теряются из виду. ИЕ **medhu* ‘мед’ и **sweH₂dwe-* (лат. *suāvis*) ‘сладкий’ демонстрируют несомненное сходство по значению. При внимательном рассмотрении также обнаруживается, что и фонетически эти два этимона являются сопоставимыми. В **medhu m-* может быть результатом диссимилиации более ранней формы **wedhwe-* > **medhwe-* (ср. чередование **morw-* и **worm-* в гнезде ‘муравей’: например, греч. *μίρμος*, ст.-слав. *mравī*, при тох. *warme* [Mallory 1997: 24]), тогда как **sweH₂dwe-*, возможно, содержит так называемый *s-mobile*, присоединенный к основе *weH₂dwe-*. «Стряхнув», таким образом, с этих этимонов следы вторичных фонетических контаминаций, мы получаем две чрезвычайно близкие по семантике и фонетике формы: **wedhwe-* и **weH₂dwe-* (< ПИЕ **wedH₂we-*), которые демонстрируют тот же процесс переноса ларингального внутри слова и видоизменение звонкого смычного в звонкий придыхательный под влиянием соседнего ларингального.

Эти примеры показывают, что семантика и фонология ИЕ ТР тесно взаимосвязаны и реконструкция ПИЕ СТР и фонетического облика ПИЕ ТР невозможна без систематического привлечения данных этнологии, истории, юриспруденции и других дисциплин, смежных с исторической лингвистикой. Иденетическая (гигнетическая) методология позволяет производить вычленение потенциальных фонетических закономерностей на материале анализа СТР с последующей их верификацией на более широком лексическом материале. Установление «родства» между языковыми формами в пределах одного языка должно находиться в диалектической взаимозависимости с поиском «родства» между формами в разных языках.

Дзибель 2000а — *Дзибель Г.В.* К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5. С. 5–52.

Дзибель 2000б — *Дзибель Г.В.* Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства) // АР-5. С. 97–188.

Дзибель 2001 — *Дзибель Г.В.* Еще раз об иденетике, сравнительно-историческом языкознании и индоевропейских терминах родства и свойства // АР-7. С. 66–135.

Beekes 1976 — *Beekes R.S.P.* Some Greek aRa-Forms. II. γάλως // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1976. 34. S. 13–16.

E.W.F. 1907 — *E.W.F.* Note on Warren // *American Journal of Philology*. Vol. 28. P. 488.

Eichner-Kühn 1976 — *Eichner-Kühn I.* Vier altindische Wörter. 3. Ai. *yātr*; 4. Ai. *giri*-, griech. γαλις // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 1976. 34. S. 25–37.

Dziebel 2006 — *Dziebel G.V.* Reconstructing «Our» Kinship Terminology (Comments on the Indo-European Material in A.V. Dybo and S.V. Kullanda's The Nostratic Terminology of Kinship and Affinity) // AP-11. C. 42–92.

Dziebel 2009 — *Dziebel G.V.* Refining the Points of an Ongoing Debate about Indo-European, Nostratic and Kinship Terminological Reconstructions // AP-12. C. 6–20.

Gardner Wiedmann 1991 — *Gardner J.F., Wiedmann T.* The Roman Household: A Sourcebook. L.; N.Y., 1991.

Hamp 1986 — *Hamp E.P.* Alb. *vajzë, motrë* // *Studi Albanologici, Balcanici, Bizantini e Orientali in Onore di Giuseppe Valentini* / ed. by P. Carlo Messori Roncaglia and G. B. Pellegrini. Firenze, 1986. P. 109–110.

Kloekhorst 2011 — *Kloekhorst A.* The Accentuation of the PIE Word for 'daughter' // *Accent Matters* / ed. by T. Pronk and R. Derksen. Amsterdam; N.Y., 2011. P. 235–243.

Mallory 1997 — *Mallory J.P.* *Encyclopedia of Indo-European Culture*. L., 1997.

Manaster-Ramer 1994 — *Manaster-Ramer A.* The Triune Velars Revisited. Manuscript. 1994.

Sohm 2002 — *Sohm R.* *The Institutes of Roman Law*. Bridgewater, 2002.

Windfuhr 2002 — *Windfuhr G.L.* The IE Terms for Siblings of Spouse: Etymology and Chiastic Logic // *The Linguist's Linguist: A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer*. München, 2002. Vol. 2. P. 461–475.